

V. ГРУППА „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА“—БОЛЬШЕВИЗМ

«Течением русской общественной мысли и составной частью рабочего движения марксизм в России стал лишь с половины 90-х годов прошлого века, когда началась «волна» марксистской литературы в России и социал-демократического рабочего движения».

Ленин. «Карикатура на большевизм», т. XIV, стр. 60.

Было бы исторической ошибкой расценивать деятельность Группы «О. т.» как *сплошь* меньшевистскую. Если мы так долго останавливались на оппортунистических уклонах Группы «О. т.», то делали мы это с целью отыскать *корни* меньшевизма в политических воззрениях деятелей Группы «О. т.» на известном этапе их развития. Но этому обстоятельству ни в какой мере не противоречит тот исторический факт, что деятели Группы «О. т.» были и остаются «основоположниками марксизма в России»,— как их оценивает В. И. Ленин. В истории русской революции деятели Группы «О. т.» заняли прочное и почетное место как последовательные и мужественные борцы против народничества, как его победители, как проводники идей революционного марксизма в среде русских революционеров в 80-х и начале 90-х годов, как революционеры, немало потрудившиеся над подготовкой первых кадров русской социал-демократии.

У нас, большевиков, нет никаких оснований отказываться от «наследства», оставленного нам Группой «О. т.». Многое из того, что Группа «О. т.» «накопила» за время своей деятельности, большевизм принял и сделал своим достоянием.

Какое же это «наследство»?

Это, во-первых, общие идеи революционного марксизма, воспринятые основателями Группы «О. т.» *непосредственно* у Маркса — Энгельса: основы научного социализма, диалектический материализм, наконец учение о прогрессивной исторической роли капитализма, учение революционной роли пролетариата и его авангарда, с.-д. партии.

Это, во-вторых, итоги теоретической работы Группы «О. т.», главным образом Плеханова, над теоретическим включением русского исторического процесса в мировой капиталистический процесс.

И это, наконец, постановка перед русской революционной социал-демократией в качестве *первоочередной* задачи *свержения самодержавия*, как первого крупного этапа на пути пролетариата к *социалистической* революции.

Эти ценности, освобожденные от позднейших оппортунистических наслоений, послужили исходным пунктом для возникновения и развития идей *большевизма*. Они послужили как бы «основным капиталом» большевизма.

Появление на революционной арене в начале 90-х годов В. И. Ленина составляет начало *новой* эпохи в истории русской и международной революции. В теоретическом отношении она характеризуется восстановлением революционного марксизма по первоисточникам, очищением революционного учения Маркса — Энгельса от оппортунистических извращений этого учения партиями II Интернационала; в политическом отношении — постановкой задачи организации *партии нового типа*, которая ставит перед собою основную цель — подготовку пролетарской революции и обеспечение победы пролетарской диктатуры. Все остальные задачи, как бы они важны ни были, являются лишь «текущими задачами», подчиненными основной цели, которая ставится как *конкретная* задача политической и организационной деятельности пролетарской партии.

Не случайно, что Ленин, эмигрировавший за границу для организации «Искры», был противником слияния с Группой «О. т.». «Мы представляем из себя самостоятельную литературную группу, — пишет он в письме от 5/IX 1900 г.*** — Мы хотим остаться самостоятельными. Мы не считаем возможным вести дело без таких сил, как Плеханов и Группа «О. т.», но отсюда *никто не в праве заключать*, что мы *теряем хоть частичку нашей самостоятельности*. Вот все, что мы можем сейчас сказать людям, желающим прежде всего узнать, как мы относимся к Группе «О. т.» (Ленин, том XXVIII, стр. 58).

Такая постановка задач пролетарской партии обозначала образование двух основных течений во II Интернационале: оппортунистического и революционно-марксистского. Вначале едва заметная трещина, по мере углубления противоречий во II Интернационале, превратилась впоследствии в глубокую пропасть, привела к краху и разложению II Интернационала и основанию Коммунистического Интернационала. В истории русской социал-демократии наступление эпохи Ленина обозначало, что социал-демократическое движение в России наметило *новые*, проникнутые революционным духом Маркса, пути, отличные от оппортунистических тенденций Группы «О. т.». Начинаясь отход русской социал-демократии от позиций Группы «О. т.».

Уже в первой своей работе — «Что такое дружба народа» (1894) — В. И. Ленин ставит принципиально отлично от Плеханова вопрос об отношении демократической и социалистической борьбы. Припомним «формулу» Плеханова: «сначала борьба за политические *права*, потом борьба за политическое *господство*». А вот какую трактовку получает этот вопрос у молодого Ленина: «На класс рабочих и обращают соц.-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский *рабочий*, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет *русский пролетариат* (рядом с пролетариатом *всех стран*) *прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции*» (т. I, стр. 194).

Из сопоставления этих двух «установок» — Плеханова и Ленина — бросается в глаза их резкое различие. В то время как Плеханов в 90-х годах склонен рассматривать демократическую борьбу русских рабочих *вне* их классовой борьбы против капитализма, оторванно от нее, Ленин рассматривает ее как одно из звеньев *классовой* борьбы, как естественный результат сознания пролетариатом его «исторической роли», как класса. В то время как Плеханов делит борьбу пролетариата на две «фазы», друг от друга отделенные большим расстоянием — демократическую и социалистическую, — Ленин рассматривает борьбу пролетариата как *единый* процесс, в котором пролетариат, руководимый своим авангардом, *вслед* за свержением самодержавия приступит к «коммунистической революции», идя к ней «прямой дорогой открытой политической борьбы». В противоположность плехановскому «социал-конституционализму», в формулировке Ленина уже заметны зачатки идеи перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В развернутом и более конкретизированном виде Ленин развивает принцип *неразрывного единства* «демократической» и «социалистической» борьбы пролетариата в своей брошюре «Задачи русских социал-демократов» (1898): «...Эта работа ¹ *неразрывно* связывается с социалистической. *Пропагандируя* среди рабочих, социал-демократы *не могут* обходить вопросы политические и сочли бы всякую попытку обойти их или даже отодвинуть их глубокой ошибкой и отступлением от основных положений всемирного социал-демократизма. Наряду с пропагандой научного социализма, русские социал-демократы ставят своей задачей пропаганду в рабочих массах и *демократических идей*, распространять понятие об абсолютизме во всех проявлениях его деятельности, о его классовом

¹ Демократическая работа с.-д. — С. 4.

содержании, о необходимости свержения его, о невозможности успешной борьбы за рабочее дело без достижения политической свободы и демократизации политического и общественного строя России. *Агитируя* среди рабочих на почве ближайших *экономических* требований, социал-демократы неразрывно связывают с этим и агитацию на почве ближайших политических нужд, бедствий и требований рабочего класса: агитацию против полицейского гнета, проявляющегося в каждой стачке, в каждом столкновении рабочих с капиталистами; агитацию против стеснения прав рабочих, как русских граждан вообще и как наиболее угнетенного и наиболее бесправного класса в частности; агитацию против каждого выдающегося представителя и лакея абсолютизма, приходящего в ближайшее соприкосновение с рабочими и наглядно показывающего рабочему классу его политическое рабство... (Ленин, т. II, стр. 175).

И еще: «...соединение экономических и политических вопросов, социалистической и демократической деятельности в одно целое, в единую *классовую борьбу пролетариата*, не ослабляет, а усиливает демократическое движение и политическую борьбу, приближая ее к реальным интересам народных масс, вытаскивая политические вопросы из «тесных кабинетов интеллигенции» на улицу, в среду рабочих и трудящихся классов, разменивая абстрактные идеи политического гнета на те реальные проявления его, от которых страдает всего больше пролетариат и на почве которых ведет свою агитацию социал-демократия» (Ленин, т. II, стр. 180).

Если мы сопоставим формулировки проектов ленинской «программы социал-демократической партии» (1895—1896 гг.) и проектов программы Группы «О. т.» (1884 и 1888 гг.), то и здесь мы увидим принципиальное различие во взглядах на этот вопрос.

Формулировка Ленина:

«Борьба русского рабочего класса за свое освобождение с необходимостью вызывает борьбу против неограниченной власти самодержавного правительства».

«Борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая, и первой задачей ее является достижение политической свободы» (Ленин, т. I, стр. 426).

Итак, «борьба за свое освобождение», т. е. «социалистическая» борьба, есть *основное* содержание борьбы рабочего класса, по отношению к которому борьба против самодержавия, т. е. «демократическая» борьба, является *частной*, хотя и «первой» задачей. Но в целом борьба рабочего класса есть «единая классовая борьба», имеющая целью освобождение пролетариата, т. е. социалистическую революцию.

Принципиально иная исходная точка зрения у Плеханова. «Одним из вреднейших следствий отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса,

который неспособен у нас взять на себя *инициативу* борьбы с абсолютизмом».

«Социалистической интеллигенции пришлось, поэтому, стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, при чем социалисты с своей стороны должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России» (из первого проекта программы Группы «О. т.»).

Итак, «социалисты» «у нас» берут на себя задачу борьбы с самодержавием в силу *необходимости*, так как буржуазия в России неспособна на борьбу; далее, даже не рабочий класс должен вести эту борьбу, а «социалисты», которые должны «доставить», повидимому, рабочему классу, политическую свободу в готовом виде; наконец, в этой «концепции» отсутствует какая-либо *органическая* связь между политической борьбой и борьбой рабочего класса за свое освобождение, т. е. за социализм. Эта «органичность», единство борьбы, пролетариата отсутствуют и во втором «проекте программы Группы «О. т.»».

Из понимания соотношения «демократической» и «социалистической» борьбы пролетариата, как двух сторон *единой классовой борьбы*, вытекало и отношение Ленина к союзникам пролетариата.

Как мы это выше показали, Плеханов, рассматривая демократическую «фазу» революции как «борьбу за политические права», видел во всех тех, кто стремился «к политической свободе», союзников пролетариата в его политической борьбе. На политической сцене он замечал только два класса, стремившихся к политической свободе — пролетариат и буржуазию: их он и считал естественными союзниками в политической борьбе.

Для Ленина буржуазная революция — это не только борьба «за политические права», это прежде всего борьба за *до конца проведенный демократический переворот*, который может быть произведен *под гегемонией* пролетариата, — класса, *единственно* заинтересованного в *полной демократизации* политического строя. «...В борьбе против абсолютизма рабочий класс должен выделять себя, ибо *только* он является до конца последовательным и безусловным врагом абсолютизма, *только* между ним и абсолютизмом невозможны компромиссы, *только* в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад. Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму *не безусловна*, демократизм их всегда оглядывается назад. Буржуазия не может не сознать задержку промышленного и общественного развития абсолютизмом, но она боится полной демократизации политического и общественного строя и всегда может вступить в союз с абсолютизмом против пролетариата. Мелкая буржуазия двулична

по самой своей природе и тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам, пытается задержать историю, способна поддаться на эксперименты и заигрывания абсолютизма (хотя бы в форме «народной политики» Александра III), способна заключить союз с правящими классами против пролетариата ради укрепления своего положения, как *мелких собственников*. Образованные люди, вообще «интеллигенция» не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой оппозиционный и революционный пыл за казенное жалованье или за участие в прибылях или дивидендах. Что касается до демократических элементов в угнетенных народностях и в преследуемых вероучениях, то всякий знает и видит, что классовые противоречия внутри этих категорий населения гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории против абсолютизма и за демократические учреждения. Только один пролетариат может быть — и, по своему классовому положению, не может не быть — последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, неспособным ни на какие уступки, компромиссы. Только один пролетариат может быть *передовым борцом* за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо, во-первых, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса, не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение. А во-вторых, только пролетариат способен *до конца* довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демократизация отдала бы этот строй в руки рабочих» (Ленин, т. II, стр. 177 — 178).

Намечавшееся уже тогда расхождение двух точек зрения на пути и характер буржуазно-демократической революции лежало в плоскости проблемы *пролетарской* революции. Для Плеханова последняя не имела «практического значения», для Ленина она имела *основное* значение. Для Ленина демократическая революция не была просто суммой политических свобод, а *подступом* к пролетарской революции. Поэтому вопрос о союзниках пролетариата в революции приобретал у Ленина первостепенное значение. Но как далеки были друг от друга представления Плеханова и Ленина о «союзниках»! В то время как Плеханов искал в среде либеральной буржуазии союзника пролетариата для завоевания политической свободы, Ленин искал прочных союзников, которые под *гегемонией* пролетариата поддержали бы его борьбу за доведение *до конца* буржуазно-демократической революции и вместе с ним продолжали бы дальнейшую борьбу за социалистическую революцию. Таких союзников Ленин видел в *беднейшем*

крестьянстве, которое Плеханов третировал как «опору абсолютизма». Пролетарский революционер Ленин обратил свои взоры на этого союзника. Что касается либеральной буржуазии, он останавливал свое внимание на ее антиреволюционном лице и скептически и подозрительно относился к ее «оппозиционной» возне. Эту позицию Ленина заметили уже в 1895 г. Плеханов и Аксельрод, к которым приехал за границу повидаться тогда еще юный Ленин. Об этой встрече приводит воспоминания П. Б. Аксельрод. Он рассказывает о своей беседе с Лениным по поводу его статьи «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», появившейся в незадолго до того сожженном цензурой сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».

— У вас, — сказал Аксельрод, — заметна тенденция, прямо противоположная тенденция, той статье, которую я писал для этого же самого сборника. Вы отождествляете наши отношения к либералам с отношениями социалистов к либералам на Западе. А я как раз готовил для сборника статью под заглавием «Запросы русской жизни», в которой хотел показать, что в данный исторический момент ближайшие интересы пролетариата в России совпадают с основными интересами других прогрессивных элементов общества. Ибо у нас перед рабочими, как и перед другими прогрессивными общественными элементами, на очереди одна и та же неотложная задача: добиться условий, допускающих развитие их широкой самодеятельности. Точнее говоря, это — задача свержения абсолютизма. Эта задача диктуется всем нам русской жизнью. Так как цензурные условия не позволяют определить эту задачу настоящим словом, то я характеризовал ее формулой: «создание условий для широкой общественной самодеятельности», требуемое русской жизнью.

Ульянов, улыбаясь, заметил в ответ:

— Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы, — говорит, — поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом»¹.

Нам кажется, что улыбка Ленина в разговоре с Аксельродом обозначала, что «оттенки» мнений, существовавшие между Группой «О. т.» и Лениным, не были для последнего новостью.

Вопрос о союзниках пролетариата в революции имеет чрезвычайно важное значение для победы пролетарской революции. Равнодушное отношение к этому вопросу, по справедливому определению тов. Сталина, «является обратной стороной отрицания диктатуры пролетариата». Тот факт, что и Группа «О. т.» и II Интернационал проходили мимо него, служит достаточным доказательством, что диктатура пролетариата уже в то время не составляла их основной практической цели, хотя кое-где в

¹ «Переписка Плеханова и Аксельрода», т. I, стр. 270—271.

литературе II Интернационала еще сохранялись кое-какие рассуждения на эту тему. Начальный период этого антимарксистского, антиреволюционного направления политики II Интернационала predetermined его естественный конец, когда II Интернационал стал заклятым врагом диктатуры пролетариата.

Тов. Сталин дает чрезвычайно четкое и яркое объяснение факту равнодушия II Интернационала к вопросу о союзниках пролетариата. «...Эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти; а кто боится революции, кто не хочет вести пролетариат к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции,— для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, не актуальным» (Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 37).

Группа «О. т.» потому так «презрительно» и относится к крестьянству, что ее мало занимают вопросы пролетарской революции, успех которой зависит от того, насколько пролетариат сумеет обеспечить себе союзников в революции. Ленин с начала своей революционной деятельности так много уделяет внимания изучению вопроса о крестьянстве потому, что он связывал этот вопрос с вопросом о союзниках пролетариата для совершения пролетарской революции. Одно это различие «установок» служит достаточным основанием для утверждения, что образование двух течений в русской социал-демократии относится ко времени появления на революционную арену В. И. Ленина. Одно из них—социал-реформистское—ведет свое происхождение от оппортунистических тенденций Группы «О. т.», другое—держущее курс на пролетарскую революцию—идет от Ленина. Этому утверждению не противоречит тот факт, что Плеханов вел ожесточенную борьбу с российскими «экономистами» и европейскими «бернштейнцами» и открытыми оппортунистами. Не надо забывать, что ведь и германские «ортодоксы», во главе с К. Каутским, вели не менее острую борьбу с открытым оппортунизмом, однако теперь уже нельзя сомневаться, что и тогда уже так называемая «ортодоксальная» германская социал-демократия была сама заражена в скрытой форме социал-реформизмом. Не противоречит этому утверждению и факт совместной работы основателей Группы «О. т.» с Лениным в «Искре». Во-первых, как известно, трещина в «Искре»—между основателями Группы «О. т.» и Лениным—стала обнаруживаться с первых ее шагов. Во-вторых, эта совместная работа оказалась возможной постольку и до тех пор, поскольку и пока основатели Группы «О. т.» шли на буксире у Ленина, пользовавшегося большим влиянием и авторитетом в рядах с.-д. в России. И как только основатели Группы «О. т.» оторвались от ленинского буксира, они продолжали идти своей старой, проторенной оппортунистической дорогой, уже открытой в рядах меньшевизма. II съезд партии подытожил исторический процесс оппортунистического развития Группы «О. т.».

Однако находятся такие «исследователи», которые на основании ряда цитат «доказывают», что Плеханов был не только «основоположником марксизма» в России, но и основоположником большевизма. К наиболее ярким представителям этого рода «исследователей» принадлежит «птенец» из гнезда Рязанова—В. Ваганян. Сей «исследователь» задался целью доказать, что Плеханов был и остался революционным марксистом до конца дней своих, что основные принципы большевизма, как гегемония пролетариата, диктатура пролетариата, отношение пролетариата и крестьянства, были в России открыты и развиты Плехановым, что, наконец, последний был носителем и проводником этих принципов. Цель этой «научной» работы, проделанной В. Ваганяном под руководством Рязанова, была в свое время раскрыта и заключалась в том, чтобы доказать, что не Ленин, а Плеханов был основателем большевизма, а Ленин якобы был лишь учеником и продолжателем дела Плеханова. Попытка, что и говорить, смелая после, как говорится, «всего случившегося» с Плехановым,—после его социал-оборончества, социал-патриотизма, после его социал-либерализма в эпоху Февральской революции, после его «большевикоедства» на протяжении всей его политической деятельности, в последний ее период в особенности.

Какими же методами достигает В. Ваганян своих намеченных выводов? Он тщательно скрывает все то, что может «повредить» его выводам, и выпячивает все те высказывания Плеханова, которые могут доставить им «торжество». Чтобы не быть голословными, приведем несколько образцов «рассуждений» В. Ваганяна.

Но предварительно мы должны здесь заявить, что Плеханов так много писал, так много давал различных, а часто и противоречивых толкований различным вопросам, что при известной натяжке можно, конечно, путем цитирования подходящих текстов, скрывая тексты неподходящие, доказать и то, что хочет В. Ваганян. Но едва ли кто-нибудь решится назвать такие «методы» методами научного исследования. Полправды—это еще не правда; полправды чаще всего служат «научной» основой для тенденциозных измышлений.

Ваганяновская «полправда» относительно Плеханова есть антиленинская тенденциозность.

Итак, обратимся к рассуждениям В. Ваганяна.

Образец первый.

В. Ваганян утверждает: «идея гегемонии пролетариата проходит красной нитью через всю литературу Группы «О. т.», начиная с первой ею изданной брошюры Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» (В. Ваганян. «Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба». Журнал «Под знаменем марксизма» 1923 г., № 10, стр. 42). Что же приводит В. Ваганяна к такому утверждению? Частые повторения Плехановым в разных статьях,

в разное время его излюбленной мысли о растущей политической роли русского пролетариата, о его «западничестве», о том, «что революционное движение в России может восторжествовать только как движение рабочих». Можно ли сказать, что в одной этой мысли об исторической роли пролетариата в борьбе против самодержавия содержатся все признаки, характеризующие понятие «гегемонии пролетариата»? Разумеется, нет. Известно немало случаев в истории революции, когда пролетариат играл выдающуюся и решающую роль, но, однако, гегемоном он не был. Гегемония пролетариата обозначает *руководство* пролетариата в революции другими революционными слоями. Мы знаем, — но об этом В. Ваганян умалчивает, — что Плеханов в начале 90-х годов видел только две силы, способные на борьбу с самодержавием — пролетариат и буржуазию, которые, по его утверждению, должны вести борьбу *рядом*. «Гегемонией пролетариата» тут еще и не пахнет. Но В. Ваганяну во что бы то ни стало нужно «доказать», что гегемония пролетариата «проходит красной нитью через всю литературу Группы «О. т.». В своем усердии он попадает в весьма курьезное положение. В доказательство своего утверждения он ссылается на статью Плеханова «Как добиваться конституции» (беседа соц.-дем. с конституционалистом), ту самую статью, которая является наиболее ярким выражением попыток Плеханова в начале 90-х годов *сговориться* с либеральной буржуазией о совместных действиях в борьбе с самодержавием. В этой «беседе» Плеханов старается убедить конституционалиста в том, что либеральной буржуазии нечего бояться пролетариата, так как их пути не расходятся. А без пролетариата «конституции» не добьешься. Чтобы «добиться конституции», необходимо «вовлечь рабочий класс в борьбу против абсолютизма, возбудить в нем симпатии к свободным политическим учреждениям» (Плеханов). В. Ваганян усматривает в этом заявлении Плеханова идею гегемонии пролетариата. Но не нужно, как говорят, «кончить университет», чтобы понять, что эта мысль гораздо ближе к идее гегемонии буржуазии, нежели к идее гегемонии пролетариата. Ведь приглашение «вовлечь рабочий класс в борьбу против абсолютизма» (хотя бы и через социал-демократию) обозначает предложение либеральной буржуазии *использовать* пролетариат как массовую силу, — ибо «другого пути у нас нет и быть не может». Такая постановка вопроса отстоит от гегемонии пролетариата на 180 градусов.

Такого рода «методы доказательств» В. Ваганяна — это попытки с явно негодными средствами, ибо *впервые* вопрос о гегемонии пролетариата в революции четко был поставлен *Лениным* в его «Что такое друзья народа» и развит в его брошюре «Задачи русских соц.-демократов». Гегемония пролетариата — это краеугольный камень ленинской концепции русской революции, резко расходившейся, как мы на этом останавливались выше, с линией Плеханова. Четко ставит вопрос Плеханов о гегемонии про-

летариата, как правильно отмечает В. Ваганян, в старой «Искре». Но кто же не знает, что в этот период основатели Группы «О. т.» находились под сильнейшим влиянием *Ленина*. Такой поворот основателей Группы «О. т.» означал победу *ленинизма* в русской социал-демократии. Но кто же не знает также, что Плеханов-меньшевик отвернулся от идеи гегемонии пролетариата в первую революцию 1905—1907 гг. и продолжал идти своими старыми путями. В. Ваганян знает это «слабое место» своего «героя», но он во что бы то ни стало хочет его «реабилитировать». Он очень осторожно, «деликатно» пишет об этом «неприятном инциденте» из жизни своего «героя». «Два направления социал-демократии, — пишет В. Ваганян, — пытались конкретизировать одну и ту же идею, высказанную в эпоху, когда не было разногласий между ними, — только внимательный разбор попыток, т. е. тактик этих двух направлений в революции, дает возможность судить о том, кому лучше удалось или, еще яснее, кто действительно реализовал идею гегемонии пролетариата, а чья деятельность коренным образом мешала конкретизации ее» («Под знаменем марксизма» 1923 г., № 11 — 12, стр. 46).

Но все же, несмотря на все ухищрения, В. Ваганян не может вырваться из тупика, и в конце концов он вынужден признать: «В 1905 г. единственно подлинными и последовательными защитниками идеи гегемонии пролетариата в революции были большевики» (там же). И на том спасибо!

Образец второй.

В. Ваганян пишет: «И по вопросу о крестьянстве мы от Плеханова получили много чрезвычайно ценных указаний и суждений, которые в последующем ходе революции вошли целиком в наше большевистское построение, послужили *основой* (подчеркнуто Ваганяном) нашего большевистского учения» (там же, стр. 67).

Итак, не Ленин, а Плеханов, оказывается, является творцом большевистского учения о крестьянстве; не Ленин, который с самого начала своей революционной деятельности разрабатывал вопрос о крестьянстве как о *союзнике* пролетариата в революции, а Плеханов, занимавший беспринципную, путаную, эклектическую позицию в этом вопросе. После ряда исследований, особенно после работ тов. Сталина, можно и не вступать в полемику с В. Ваганяном, пришедшим к своим «открытиям» 10 лет тому назад. Но все же интересно остановиться на том, как пришел В. Ваганян к таким «выводам».

Известно, что в вопросе о крестьянстве Плеханов не раз менял вехи. Припомним его утверждение, что «мужичок» — это «антипод» рабочего. В дальнейшем у него было много вариантов во взглядах на крестьянство, в зависимости от обстоятельств. Но всегда для Плеханова крестьянство было «таинственной стихией». Оно было и опорой самодержавия; при известных обстоятель-

ствах оно могло быть способно и к революционному восстанию; но оно же могло быть и опорой контрреволюционного движения, бонапартизма. Все эти возможности Плеханов допускал и призывал социал-демократию быть готовой к этим возможностям. Конечно, ему больше улыбалась перспектива революционной активности крестьянства, и он призывал не раз социал-демократию вести среди него революционную агитацию. При желании можно, разумеется, найти у Плеханова немало статей (особенно «искровского» периода), в которых он придает большое революционное значение крестьянскому движению. Для своих выводов В. Ваганян широко воспользовался подобными цитатами. Но это еще далеко до *большевистского, ленинского учения о крестьянстве*. Самого главного, что отличает ленинское учение о крестьянстве, — отношения к основной массе крестьянства как к союзнику пролетариата, без которого *невозможно* довести до конца буржуазно-демократическую революцию и которое, в лице его средних и бедных слоев, может поддержать пролетариат в его дальнейшей борьбе за пролетарскую революцию, — у Плеханова нет ни грана.

Только «влюбленностью» Ваганяна в своего «героя» можно объяснить его легковесные выводы.

Образец третий.

В. Ваганян пишет: «...Он, последовательно работая над *организацией* (подчеркнуто Ваганяном) политической борьбы, выработал стройную организационную систему централизованной, строго дисциплинированной классовой партии, которая одна и могла и смогла вести успешную борьбу с самодержавием, быть гегемоном в буржуазной революции и продолжить далее борьбу за «конечные цели» («Под знаменем марксизма» 1923 г., № 10, стр. 48).

Читатель, несомненно, подумает, что Ваганян имеет в виду Ленина. Ничуть не бывало. Оказывается, что роль основателя большевистской партии, партии, подготовившей пролетарскую революцию, Ваганян приписывает Плеханову. С ловкостью рук необычайной Ваганян *скрыл*, что организационные принципы партии *нового типа* развил Ленин в «Искре» и в «Что делать», что эти *ленинские принципы* встретили *нападки* со стороны Плеханова — обвинения в бланкизме, в народовольчестве и других смертных грехах. Разумеется, у Ваганяна, как и во всех его статьях о Плеханове, есть *полправды*. Не приходится оспаривать, что Плеханов боролся за «централизованную», «дисциплинированную» партию, — что, конечно, нетрудно доказать рядом цитат из его статей. Но это еще далеко от той большевистской партии, за которую боролся и которую построил в борьбе с меньшевиками и Плехановым Ленин.

Мы так долго остановились на «исследованиях» В. Ваганяна,

чтобы показать образцы «мифотворчества» «школы Рязанова» о «большевизме» Плеханова и Группы «О. т.». К сожалению, против этих легенд в нашей исторической литературе не ведется достаточно глубокой борьбы, а в большинстве наших учебников истории ВКП(б) меньшевистские корни Группы «О. т.» недостаточно глубоко вскрыты.

Необходимо остановиться еще на различии взглядов Группы «О. т.» и Ленина на место русской социал-демократии в международном социалистическом движении. С самого своего возникновения II Интернационал привык смотреть на русскую социал-демократию как на некоторый незначительный придаток к европейскому социалистическому движению — придаток, с которым можно было серьезно не считаться. И на самом деле, к такому отношению II Интернационала были как будто довольно веские основания: по сравнению с европейскими социал-демократическими партиями, пользовавшимися всеми «благами» парламентаризма и демократии, начинавшими играть влиятельную роль в политической жизни, обнаруживавшими быстрый рост своих партийных и профсоюзных организаций, — русская социал-демократия, только что возникшая, организационно слабая, работавшая в царском подполье, казалась «просвещенным» европейцам *quantité negligible*. Международное значение русской с.-д. определялось отведенной ей II Интернационалом задачей свергнуть царизм, этого «международного жандарма», мешавшего развитию европейской «демократии».

Лидеры Группы «О. т.», бывшие в близких отношениях с «тузами» европейских социалистических партий, не только не боролись во II Интернационале с этими взглядами, но только не выдвигали самостоятельных задач русской с.-д., но поддерживали эти взгляды и тем закрепили за русской с.-д. во II Интернационале положение «бедного родственника», трепещущего перед силой и влиянием своих «богатых» покровителей. Долгое время русская с.-д. была привеском германской с.-д. во II Интернационале.

Большевизм и здесь произвел переворот в привычных представлениях, господствовавших с легкой руки Группы «О. т.» в кругах II Интернационала. В 1902 г. Ленин, глубоко понявший ход русской революции, поставил иные *международные* задачи перед русской с.-д. «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой-бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания» (Ленин, т. IV, 382).

Как известно, пророчество Ленина сбылось: русский пролета-

риат стал авангардом международного революционного пролетариата. Но по тому времени это была смелая, «дерзкая» мысль, шедшая вразрез с привычными представлениями II Интернационала и основателей Группы «О. т.». Ленинизм вывел русский пролетариат и его авангард, революционную с.-д., на широкую международную арену и сделал их влиятельным фактором международного рабочего движения. Наконец, после долгого молчания, русская с.-д. заговорила полным голосом, своим языком.

Ленинизм достиг этого, вобравши в себя все элементы революционного марксизма своих предшественников — основателей Группы «О. т.» — и преодолевши их оппортунистические тенденции. Ленинизм подошел к цели, намеченной основоположниками русской с.-д., своим собственным путем, освещенным мощным прожектором освобожденного от оппортунистических наслоений революционного учения Маркса.

Оплодотворивши подлинный действенный марксизм опытом классовой борьбы и революционного движения международного пролетариата эпохи империализма, Ленин поднял марксизм до высочайших вершин, откуда перед взором пролетариата и трудящихся всего мира развернулась грандиозная панорама поля недалеких решающих битв против капитализма за полное свое освобождение.

Под знаменем ленинизма собрались на всем земном шаре миллионы пролетариев и трудящихся и под руководством Коммунистического Интернационала и его вождя, гениального ученика и продолжателя дела Ленина, т. Сталина, готовы вступить с своими угнетателями в «последний и решительный бой».

Не может быть сомнения, что ленинизм, победивший на одной шестой части земного шара, приведет мировой пролетариат к полной победе на остальных частях.

